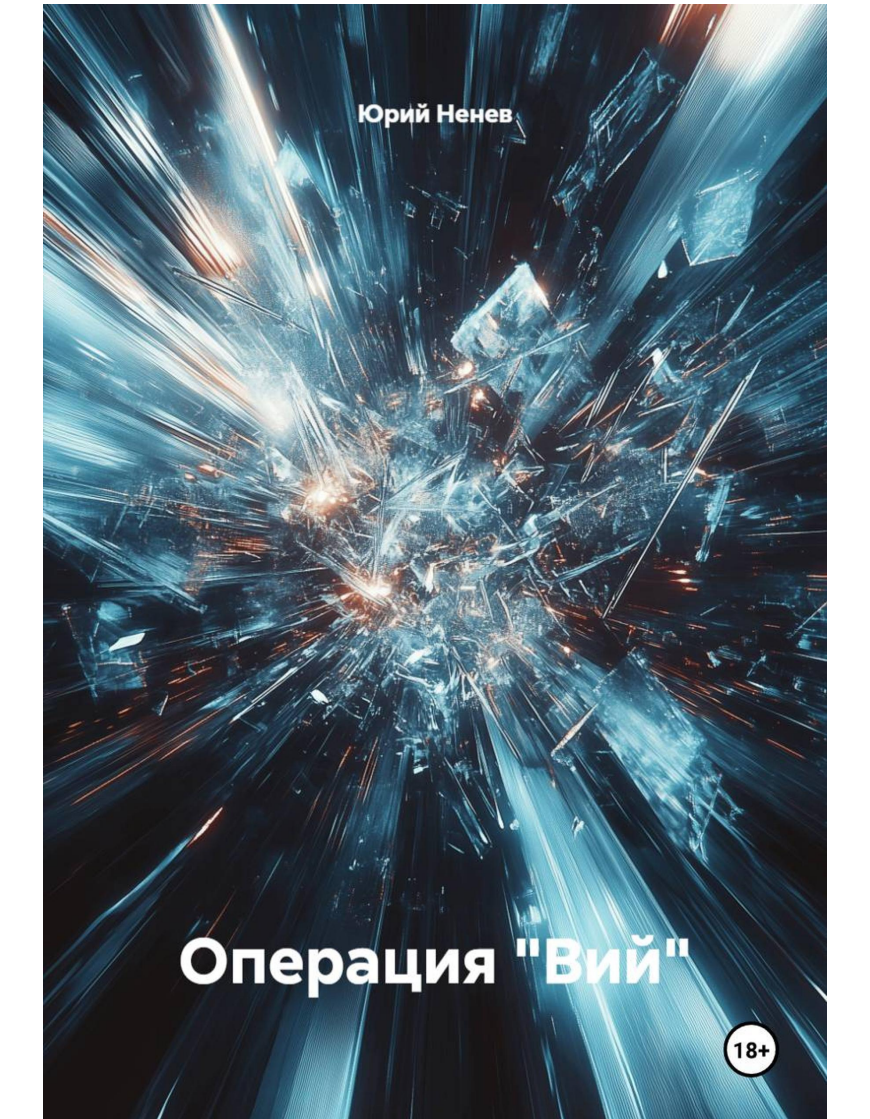

Юрий Ненев

Операция "Вий"

18+

Юрий Ненев

Операция "Вий"

<https://litres.ru/74662812>

SelfPub; 2026

Аннотация

1954-ый год, западная Украина. Страшные годы войны позади, но в лесах и горных ущельях всё ещё скрываются остатки банд ОУН-УПА. На окрестные сёла близ Дрогобыча и Трускавца наводит ужас некто или нечто. Это нечто страшное боятся даже те, кто ему служат. Комитет государственной безопасности располагает данными, что оно зовётся Виём.

Для ощущения колорита украинизмы выделены курсивом.

Юрий Ненев

Операция "Вий"

Глава 1

Эх, тенистая тропинка, бегущая змейкой в гущу леса! Дебри манили Янко, предвкушали радость встречи. Терезия – соседская девчонка. Хата ее семьи находится от дома Янко через несколько дворов. Чувства между мальчиком и девочкой сложились сами собой, они даже не помнили с чего всё началось, и кто из них двоих был инициатором отношений. Они росли вместе, вместе и выросли. Янко был старше Терезии на два года, поэтому и в школу он пошел раньше нее – на следующую осень после того, как части Красной армии вступили на территорию Галиции. Проучился он там ровно один год: как только наступили каникулы – началась война. Обучение Янко внезапно прервалось, а обучение Терезии так и не начиналось. После Победы мальчик проучился еще три года, после чего бросил школу. Бросил он ее на пару с Терезией, которая проучилась и того меньше – два года. Дальше они полностью погрузились в любовные отношения.

Всё село знало об отношениях подростков, им прочили свадьбу. Однако, Янко и Терезия, сторонились этих разговоров, обраставших многочисленными слухами, порой и грязными. В лесу им никто не мешал: где, как не тут можно скрыться от посторонних глаз, а если и будут таковые, то

нетрудно улизнуть, словно ящери, неслышно скрыться под покровом зелени.

Вот опять тёплый летний вечер. Золотые лучи заходящего солнца блестят в кронах деревьев. Лесные птицы суеят-ся, треща сухими сучьями, шурша листвой. Где-то в кустах фыркает ёж, из синей полосы ельника доносится эхо тявканья лисицы. Терезия уже ждала парня на поляне близ обрыва, ведущего к каменистому ручью, берега которого поросли высокой травой, пахнувшей горечью и сыростью. Молодая девчонка, в которой только-только начинала пробуждаться женщина, всё больше испытывала тягу к Янко. Она и сейчас с нетерпением ждала встречи, прислонившись спиной к стволу корявого старого вяза. Парень шагнул навстречу – девушка повернула голову. Напрасно Терезия старалась всячески приукрасить себя, надев перед свиданием новую вышиванку, нацепив медные, потемневшие от лет медные серьги матери, - Янко и без всего этого считал ее самой красивой девицей на белом свете, настолько, что на других он даже не глядел.

- Ягоды еще неспелые: они только под осень станут красными. – первое, что сказал Янко, лаская шершавые от неустанного крестьянского труда пальцы Терезии, в которых она держала ветку рябины. Он не мог наглядеться в ее зелёно-карие глаза, нежную, тронутую щедрым солнцем бронзоватого цвета кожу лица, чуть тонкие, лукообразной формы алые губы.

Это происходило с ними всегда при каждой встрече. Янко не мог сдерживать в себе внутренние порывы разгоряченного юношеского тела. Схватив Терезию жилистыми крестьянскими руками, прижав ее молодое девичье тело к себе, он припадал к ее алым устам, гладил руками ее шелковистые, небрежно заплетённые косы, сладострастно облизывал ее гладкие белые зубы, целовал шею, плечи. Терезия отдавалась ему полностью, разрешала всё. Первый раз с ними это случилось давно – когда они были совсем уж детьми. С каждым годом их страсть становилась всё более зрелой и теперь уже походила на то, что обычно бытует между мужчинами и женщинами.

Терезия лежала навзничь на траве. Янко прижал девушку своим телом, едва успевая дышать от всё больше накатывающих волн страсти. Его пальцы растянули завязки на груди вышиванки Терезии и скользнули под одежду. Затем девушка с силой обхватила парня за плечи, опрокинула на землю. Вдруг Терезия к недоумению Янко поднялась с земли.

- Поднимайся! Я хочу тебе кое-что показать!

- Чего еще?

- Да поднимайся ты! – торопила Терезия, легонько ткнув пальцами ног парня в бок. Янко поднялся с земли, отряхнулся, нашел на траве свою потрёпанную войлочную шляпу и последовал за девушкой. Она направлялась той самой дорогой, которой он ходил на встречу с ней. Шаги голых ног Терезии были неслышны: не хрустела ни одна ветка, не ше-

лохнулся ни один куст, не вспорхнула ни одна лесная птица. Дорожка, которая еще недавно была протоптана, внезапно стала дикой, пряталась в ворохах травы, покрывалась сырым мхом.

- Куда мы идём, Тереза? – не выдержав, спросил Янко.

- Как куда? Грибы собирать! Разве не помнишь, как мы тут в детстве искали с тобой грибы? У тебя это не так хорошо получалось, как у меня.

Терезия вывела друга к светлому березняку. Янко вспомнил это место: действительно когда-то в детстве они тут любили искать грибы. Особенно много тут росло подберёзовиков. Вот только эта полянка напрочь выпала из памяти. Только Терезия вернула его в воспоминания детства.

- Теперь вспоминаю. Действительно: в этом березняке всегда было много грибов, как и в нашем детстве.

- И сейчас точно также, Янко.

- Только никак не пойму: вроде тропинка та самая, которой я пришел, но почему она вдруг так внезапно заросла? Или я свернул не туда? Или вечерние тени так ложатся?

- Просто этой дорожкой уже давно никто не ходит, вот она и заросла.

- Но я как-то прошел. Мы же с тобой, Терезочка, всегда гуляем этой тропой.

- Гуляли когда-то... - с грустью вздохнула девушка, опустив голову.

- А сейчас?

- Когда-то на той полянке, будучи детьми, мы попробовали целоваться... нам понравилось. Сейчас наша лесная тропинка, ведущая к полянке, совсем заросла: никто не помнит её: только ты не забывай никогда...

- Как её можно забыть? -развёл руками Янко.

- И меня не забывай. Ты же по-прежнему меня любишь? – перебила парня девушка.

- О чём речь, Тереза?! Разве я могу тебя не любить?

- Тогда никогда не забывай меня, мой любимый дружок детства. Когда тебе будет совсем плохо – вспомни обо мне лишний разок и тебе станет легче, милый мой Янко. А теперь мне пора.

Терезия повернулась к парню спиной и хотела уже удалиться в чащу леса, когда Янко ее окликнул:

- Ты куда? Нам же до села!

- Это тебе до села, а мне своей дорогой.

- Но ты же...

- Я же умерла, Янко! Или ты забыл?

В сознании парня стара проступить страшная реальность. Терезия будто читала мысли любимого, поэтому добавила:

- Меня нет, Янко! Меня не существует больше на белом свете! Я осталась лишь в твоей памяти и снах.

Парень в ужасе проснулся. Сладкий, полный радости и блаженства времён детства и юношества сон закончился кошмаром. Янко, до этого спавший на скамье, даже подскочил. Он сел, спустив ноги. В голове еще звучал шум леса из сно-

видения, но постепенно улетучивался. Смолистые и сырые ароматы дебрей, грибной запах березняка, где еще он недавно гулял с Терезией, тоже развеивались, уступая место зловонии землянки с ее запахами немытых тел, плесени, смрадного дыхания и миазмов отхожего ведра в углу.

Янко находился в сумрачном помещении с низким бревенчатым потолком, поддерживаемым толстыми дубовыми подпорками. На таких же бревенчатых стенах, как и потолок, были расклеены чёрно-белые плакаты, листовки, веники из засушенных веток берез и малины, автоматы, винтовки, полевые сумки. Напротив скамьи, где спал Янко был массивный, небрежно обработанный рубанком, деревянный стол. За ним, освещаемый светом керосиновой лампы, сидел тот, кто отнял жизнь у Терезии. Его звали Ат. Громко чавкая, он прихлёбывал деревянной ложкой что-то из жестяной солдатской миски. В кулаке у Ата была зажата краюха чёрного крестьянского хлеба. Заметив пробуждение Янко и его испуганные глаза, он, не отрываясь от еды, продолжая жевать, заявил:

- Ночь сегодня такая: канун для Ивана Купалы – вот мерещится и снится всякая ерунда. Ты бы лучше сел и *напехтерился* супца, Филин. Хорош супец! Давно такого не ел: не зря мы сунулись сегодня к хозяйке на хутор. А то всё хамса да хамса!

Янко, которого теперь кличут Филином, ничего не отвечал Ату. Он ненавидел его. Была бы его воля, то бы он во-

ткнул голову собеседника в миску с супом, пока бы Ат не захлебнулся. Впрочем, у Янко-Филина постоянно проскакивали в голове и другие спонтанные идеи убийства Ата.

- Зря! Насытился бы супцом, да лежал бы себе на боку до утра. – сожалел о молчаливом отказе разделить трапезу Ат. – Обожаю супы. Вообще: мне из харчей ничего не надо – давай только бы супа похлебать. Могу только одним супом питаться.

- Кусок в глотку не идёт почему-то.

- Ты из-за Бимбера переживаешь? А что нам переживать? Мы – честные бойцы за вольную Украину, перед народом и «безпекой» у нас вины нет. Другое дело, что хлопцы из «безпеки» надменные, любят повесить на нас голос, запугать. А еще у них кормёжка и обмундирование хорошее: не то, что у нас – одна винтовка на троих, один автомат на рой и худые сапоги с дырявыми подмётками. Вот тут да: невольно начинаешь злость на кулак наматывать, когда «безпека» выставляет нам за то, что мы якобы плохо стали воевать.

- Ну и чёрт с ним, с эти Бимбером. Мне до него никакого дела нет. – махнул рукой Янко-Филин, и чтобы не видеть лишний раз физиономию Ата, снова завалился на скамью.

Как и ненавистный ему любитель супов, Янко был членом ОУН – Организации Украинских Националистов, а именно боевиком её военизированного крыла - УПА – Украинской Повстанческой Армии. Националистическое подполье заинтересовалось парнем почти сразу, когда узнали о том, что он

бросил учёбу в школе после четвёртого класса. ОУН не приветствовала грамотность, образование и просвещение как идею. Поэтому боевики этой националистической организации поджигали школы, библиотеки, кинотеатры, запугивали тех, кто эти заведения посещал. Особенно доставалось школьным учителям – их ОУНовцы вообще убивали. В образовании и просвещении украинские националисты видели угрозу для концепции украинской нации, которая в их понимании была крестьянской по своей сути, сельчане «должны жрать землю», а не учиться, а учебные заведения с их точки зрения были орудием разложения национальной идентичности и национального духа. Образование становилось в понимании ОУНовцев еще более «вредоносным», учитывая тот факт, что оно осуществлялось под соусом марксистско-ленинской идеологии и провозглашало братство русских и украинцев.

В забросившем учёбу по сугубо личным мотивам парне, националисты видели пример торжества «истинного крестьянского украинского духа», победившего «слащавые козни городской культуры, коммунистической идеологии и русского влияния». Еще боевикам ОУН-УПА импонировало умение Янко хорошо ориентироваться в лесах, находить скрытые дороги и тропы и делать это даже с наступлением сумерек и ночи. Умение передвигаться в темноте определило кличку Янко – Филин.

Однако парень отнюдь не был националистом. Его вообще

не интересовала политика. Не понимал он и ненависти бандеровцев к русским и коммунистам. В то же время и отказать в кооптации в ОУН Янко не мог: в таком бы случае его самого и его семью убили бы боевики. Не понимая, не разделяя идеологии глухой ненависти, с трудом запомнив формулировку «интегрального национализма», Янко вступил в бандитское подполье, став бандеровцев по кличке Филин, лишь бы спасти от страшной расправы свою семью и любимую девушку.

С момента вступления в ОУН-УПА, парень вообще стал крайне редко видеть кого-то из близких. Жёсткие внутренние порядки бандитского подполья подразумевали жизнь в лесу, полную лишений, болезней, ранений, боев с отрядами Советской армии, милиции, госбезопасности и вооружёнными добровольческими отрядами «ястребков». Огромная страна и единение народа всё больше загоняли бандитов в самые глухие леса и труднопроходимые перевалы Карпатских гор, но фанатики не отступались, до последнего огрызаясь, проливая и свою кровь, и кровь соотечественников-украинцев, которых они якобы защищали.

Постоянные переходы, перебазирования, длительные марши на десятки, а то и сотни километров, не способствовали развитию отношений между Янко и Терезией. Они виделись, в лучшем случае не более пяти раз в году. Даже когда им обоим стукнуло восемнадцать лет, парень и девушка не могли пожениться и начать налаживать семейную жизнь

– счастье молодых людей было украдено бандитами.

Нужно признаться, что Янко не раз предлагал Терезии бежать с ним в лес. Многие боевики ОУН-УПА в подполье жили со своими жёнами и подругами. Конечно же, пришлось бы ютиться в тесной землянке, опасаться ареста и плена, рисковать в любую минуту расстаться с жизнью: Янко и Терезии к лесной жизни и романтике не привыкать. Проблема заключалась в том, что девушка наотрез отказывалась уходить в бандитское подполье. Она не желала даже ради возлюбленного расставаться с одинокой матерью, оставшуюся вдовой во время войны, не могла она оставить своих подруг, добрых школьных учителей – в какой-то момент Терезия пожалела о том, что бросила школу и решила возобновить обучение. Она научилась читать, даже завела читательский билет в сельской библиотеке, поступила в третий класс. Учёба ей давалась легко: Терезия училась только на «хорошо» и «отлично». Не отставала она и в области политического просвещения – вступила в комсомол. Так дорожки Янко и Терезии всё больше стали расходиться, а вскоре они и вовсе перестали встречаться. Он был бандитом из леса, а она комсомолкой – любовники и несостоявшиеся супруги оказались в разных окопах.

Село Колодезь и прилегающий к нему колхоз, в котором жила Терезии, а некогда и Янко, получили премию от областного комитета партии за вклад в развитие народного хозяйства. Расположение советских властей к селу не могло не

вызвать вспышку злобы у бандеровцев. Верные своим бандитским традициям, они решили покарать сельчан. Банда Тура, боевиком которой был Янко Филин, не располагала большим арсеналом оружия: на сотню ее членов приходилось тридцать пять винтовок, пятнадцать автоматов и семь пистолетов – то есть почти половина боевиков была не вооружена, но этого было достаточно, чтобы совершить успешный налёт на село.

Председателя сельсовета и директора школы бандеровцы повесили на колодезном журавле. Школьную учительницу, отказавшуюся при всех кричать «Слава Украине» и «Христос воскрес» закололи штыками. Заведующую библиотекой сожгли заживо вместе с библиотекой. Также бандеровцы заживо сожгли пятерых трактористов-механизаторов вместе с их тракторами. Среди жертв рейда на село Колодезь досталось и комсомольской ячейке: секретаря утопили в колодце, еще пятерых застрелили. Терезия погибла страшной смертью: пытаясь спастись, она спрятала свой комсомольский значок и билет, однако хитрый Ат нашёл оба атрибута принадлежности девушки к ВЛКСМ. За попытку обмана бандит ударом приклада автомата сломал позвоночник Терезии, а потом, когда девушка лежала на полу своей хаты, корчась от боли, раздавил ей сапогом горло.

Янко Филин не принимал участие в массовом убийстве: его, как уроженца этого села, с его роем боевиков решили оставить охранять дорогу, ведущую к селу. Результаты на-

лѐта предстали перед ним, когда Тур решил похвастать перед всеми членами банды своими зверствами. Филин не видел, как убивали Терезию, но зато Ат в подробностях описывал, смакуя своим зверством, как это происходило. С ужасом в глазах, не желая верить в страшное, Янко бросился в дом любимой. Дверь была не заперта. Но за порогом ощущалось что-то зловещее. Филин шагнул внутрь, обошел комнаты. Так он нашел Терезию. Ат, ради зловещей шутки, решил поглумиться над матерью убитой им девушки, подложив ее труп в кровать, и накрыв покрывалом. Так старуха и обнаружила бездыханное тело своей дочери в своей кровати. Филин, стоя посреди светлицы, держа в руках немецкий автомат «Шмайсер», старался не глядеть на мѐртвую Терезию: он хотел, чтобы она осталась в его памяти живой. На вооруженного бандита молча глядела обезумевшая мать Терезии, рвавшая на себе волосы. Ее глаза были преисполнены испепеляющей ненавистью, губы беззвучно что-то пытались шептать, но горло старухи перехватывала немота. Никогда Янко Филин не видел мать Терезы такой: она всегда благосклонно к нему относилась, прекрасно знала о его отношениях с дочерью, и закрывала глаза на то, чем Янко и Терезия занимались в лесу с самого детства. Теперь эта женщина ненавидела его. Хотя Филин не убивал Терезии, не убил ни одного односельчанина, он чувствовал своё соучастие в преступлении. Раз он член банды, то, независимо от того, где он находился и что делал во время налѐта, приложил свою руку к страш-

ному злодеянию. Филин не мог переносить испепеляющих его глаз матери, пережившей свою дочь. Она продолжала колоть его взглядом, отчего Филину становилось всё больше не по себе. Наконец, голос прорвался из глотки женщины, и через кривые губы змеиным шёпотом она бросила в лицо Янко слова, которые он неё он никак не ожидал когда-либо услышать: «Ненавижу! Ненавижу тебя! Будь ты проклят!»

Не в силах сдержаться, Филин стянул с себя войлочную кепи-мазепинку с металлической кокардой в виде тризуба, закрыл ею лицо и выбежал из хаты вон.

С тех пор прошло три месяца. Страшные картины не переставали покидать сознание Янко. Сейчас, когда на лес под Трускавцом легла тёмно-синяя звёздная карпатская ночь, Филин лежал на деревянной скамье, отвернувшись лицом в сторону стены, и поджав ноги. Ему ничего не угрожало: в тщательно спрятанной в чаще землянке тепло, тихо, разве что покой нарушает чавканье и хруст луковицы Ата. Но Янко не мог снова заснуть. Строило ему закрыть глаза, как обрывки странного сновидения представляли перед ним, вспоминалось далёкое военное детство, где война не столь сильно ощущалась ввиду того, что в районе села Колодезь крупных боёв не происходило, а из удаленности от Львова, Трускавца и Дрогобыча немцы нечасто совалились. Воскресали в памяти Янко Филина встречи, игры и прогулки с Терезией – самой любимой девочкой на всём белом свете. Не могло быть такого, чтобы они рано или поздно не стали мужем и женой.

Но судьба распорядилась иначе, с особой жестокостью. Покоя не давали образы разорённого бандой села, мёртвой Терезии и жутких глаз её матери. Ей не суждено было стать его тёщей: она прокляла его, для неё он самый ненавистный в жизни человек... даже не человек: чудовище, нелюдь, нечистая сила, пришедшая из леса.

Янко еще долго ворочался, кряхтел, лёжа на боку, пытаюсь уснуть. Со стороны входа в землянку тянуло сквозняком, надувавшим ночные ветерки. Филин приподнялся, прикрыл куском овчины голые, начавшие мёрзнуть ноги. Ат, всё еще никак не насытившийся, видя, что товарищ не спал, сказал:

- Ты прав, Филин. Да и чёрт с ним, с этим Бимбером и всей его «безпекой»! Нам-то что? Придёт сюда, пожрёт, даст очередные «особо важные инструкции», а потом вернётся во-свояси на харчи и обеспечение на деньги наших западных друзей. А ты бы лучше супца бы похлебал: когда такое чудо еще предстоит пожрать?

Ат жадно облизал ложку, допил из миски остатки бульона, причмокнул.

- Ну, как хочешь. Моё дело предложить. – ответил он на молчаливый отказ Янко разделить с ним поедание супа. У Филина в это время было совсем другое желание, еще больше не дававшее ему заснуть: была бы его воля - он бы налил бы горящий керосин в глотку Ату.

Глава 2

Ближе к полудню июльское солнце начинало припекать. В просторной распадке, раскинувшейся на многие километры в ложбине между сопками, поросшими лесом, стояло безветрие. Не колыхалась ни одна берёзка, не дрожали даже тонкие осинки, стоявшие у дороги. Благоухали медовыми ароматами неподвижные раскидистые кусты акаций. В высокой траве трещали цикады, стрекотали кузнечики. Только неугомонные пчелы да шмели в такой тихий час сновали от цветка к цветку. Через всю ложбину пролегалла длинная грунтовая дорога. Именно на ней где-то вдали слышался грохот колёс, цоканье копыт. Вот на горизонте из-за поворота показалось облако пыли, в котором угадывались очертания лошади и повозки. На козлах телеги сидел немолодой мужчина – немного полноватый, пузатый, его вышиванка даже натягивалась на круглом животе. На голове – войлочная шляпа с широкими потрёпанными краями. Лицо кучера круглое, несколько одутловатое, под носом чёрные усы, свисавшие вниз у уголков губ – типичный галичанский *вуйко*. Его старая лошадёнка неторопливо бежала, поднимая ударами копыт клубы пыли. Вот тарантас дотарахтел до трёх высоких берёзок, за которыми начинался осинник. За осинником, прячась в высокой траве и колокольчиках, к шуму на дороге прислушивался человек лет сорока, несколько сухощавый, жилистый, с впалыми щеками, на которых под кожей играли желваки. Яркое солнце слепило ему глаза. Мужчина даже на пару секунд снял с лица очки в мятой провололочной

оправе, потёр черными от сажи и оружейного масла веки. Затем он поправил на голове кепи-мазепинку и стал подбираться ближе к дороге. Бандеровец легонько свистнул, и по ту сторону дороги кусты акации стали шевелиться. Стоило только крестьянину поравняться с осинником, как позади он услышал резкий командный тон: «А ну, стий!»

Вуйко потянул вожжи на себя, лошадь остановилась. Крестьянин даже не оборачивался в сторону того, кто ему приказал остановиться. Между тем, этот человек, озираясь по сторонам, вышел на дорогу. Он был невысокого, немного ниже среднего роста, коротконогий. Одет в полевую форму: тёмно-синюю гимнастёрку, коричневые галифе, драные пыльные сапоги с рваной истрёпанной обмоткой. На голове, формой, напоминающей яйцо, - кепи-мазепинка с кокардой в виде тризуба. Вооружён он был винтовкой системы Мосина.

Перед лошадыю и телегой из кустов акации выбрался еще один бандеровец – высокий, несколько грузной, в небрежно застёгнутом на выпирающем пузе коричневом кителе. Щурясь от яркого солнца, он надвинул на глаза свою мазепинку и наставил на крестьянина воронёный ствол «шмайсера». Вслед за этими двумя появился и третий – тот самый в очках, что прятался возле осинника.

- Слава Украине! – в полголоса поприветствовал *вуйко* тип в очках, держа в руках заряженный «Парабеллум».

- Героям слава. – пробормотал в ответ крестьянин, стараясь не глядеть на этих троих.

- Всё чисто? *Рядянской безпеки* нет? – начал разговор тип в очках.

- Нет.

- И никого из посторонних? Никаких «дальних родственников» нет?

- Чисто всё. Можете не сомневаться. – уверял *вуйко*.

- Ну, смотри, Михайлик! – тип в очках угрожающе поиграл возле своего лица пистолетом. – А теперь ступай с богом! – приказал он металлическим командным тоном, после чего крестьянин в войлочной шляпе стегнул лошадёнку, и тарантас дальше попылил по дороге.

Бандеровец в очках махнул рукой, и два его подельника махнули на другую сторону дороги. По словам крестьянина, никакой угрозы для них на этом одиноком хуторе не было. Все трое взбежали на пригорок, нырнули под невысокие раскидистые сосенки, и вскоре выбрались к кустам смородины, обрамлявшей поросшие сорняками квадраты огорода рядом с беленой хатой.

Из-за корявых елочек высунулся ствол автомата, направленный в спину трём бандеровцам.

- *Стий! Хто идэ?* – крикнул прятавшийся в кустах, но тут же, шурша ёлочками, выбрался, добавляя: - *Аааа, это ты, Бимбер!*

- Своих уже не узнаешь, Пасюк? – ухмыльнулся тип в очках, которого бандеровец, затаившийся в ёлках назвал Бимбером. Это были привычные, устоявшиеся меры предосто-

рожности. Часовой по кличке Пасюк снова скрылся в своих кустах, а три других бандита стали подбираться к хате.

Совсем рядом с хутором находился родничок, бывший из расщелины позеленевших камней, поросших мхом. Его хрустальные струи с шумом падали к чёрную воду омута, по берегам натянутого ряской. Три боевика, крадучись, пробирались к деревянным воротам, служившим входом на хутор. Услышав шум во дворе, они залегли рядом с омутом в зарослях водяных ирисов, росших у небольшого деревянного помоста, сложенного рядом с родником.

Створка ворот приоткрылась, и из нее вышла девушка возрастом примерно не более двадцати лет. Тёмно-русые волосы, небрежно заплетённые косы, вышиванка из небеленой льняной ткани, поношенная бархатная жилетка, алая юбка, подпоясанная широкой атласной лентой. Затем хуторянка опять скрылась за воротами, но вскоре появилась снова. Она шагала босыми загорелыми ногами по грядкам возле хаты, держа за плечами деревянное коромысло и два ведра. Выйдя из ворот, она направилась к помосту и роднику. Погружённая в свои мысли, она не заметила трёх мужчин, прятавшихся в зарослях ирисов. Набрав воды, она потащила два тяжёлых ведра домой. Тут и выскочили бандиты. Девушка в ужасе вскрикнула, когда трое с оружием настигли ее. От испуга она опрокинула одно ведро, и едва не уронила второе, если бы его вовремя не подхватил здоровяк в коричневом кителе с автоматом на плече. Он поднял тяжелое ведро, полное воды,

к лицу, начал пить. Девица испуганно глядела на бандеровца, переминаясь перепачканными голыми ногами в луже от ледяной родниковой воды.

- Барсук, ведро в хату снесёшь. – приказал здоровяку Бимбер. Потом он повернулся к девушке и сказал: - А ты ступай до рынка, подсоби своему отцу. Сейчас же!

Испуганная девица, бросив свою работу, придерживая руками полы юбки, помчалась в сторону дороги, откуда пришли бандиты. Бимбер и Опарыш закрыли за собой ворота хутора, Барсук понёс ведро с водой в хату. Дом был самый обычный, каких на Галичине превеликое количество: снаружи белен известью, крыша крыта досками и кусками дёрна. По всей территории хутора располагались квадраты огорода, который подходил к самому фундаменту и порогу дома. Три бандита шагнули под сень невысокого деревянного крыльца, и тут им навстречу выбежала хозяйка – женщина лет сорока пяти. Она нисколько не испугалась неожиданных гостей, приняла ведро воды и без лишних слов вернулась в хату. Михайлик – её муж, девица – дочь. Бандеровцы уже не один год держали эту семью в заложниках. Барсук по приказу Бимбера остался снаружи караулить подходы к дому. Остальные двое направились в просторную комнату, где находилась печка.

Опарыш принялся сдвигать в сторону скамьи, стоявшие за печью, поднимать половики. Бимбер, тем временем, достал из кармана кителя стеклянный флакончик с какой-то маслянистой жидкостью. Затем он накапал её на платок, вымазал

нос. Опарыш тоже принялся натирать руки церковным маслом, обильно мазать себе нос.

На дощатом полу одна из досок немного выдавалась кверху. Бимбер наступил на неё ногой, немного подержал. Где-то под полом раздался протяжное жужжание, похожее то ли на звук телефонного зуммера, то ли на звонок. Затем Бимбер сделал еще два таких нажатия. После всего все трое затихли. И тут послышались глухие стуки из подпола. Их было также три, как и количество звонков, создаваемых Бимбером. Это был знак того, что можно было открывать крышку погреба.

Два бандита с замиранием сердца принялись за работу. Бимбер – служака «безпеки» - службы безопасности ОУН, держал в руках керосиновую лампу, подсвечивая пространство подпола для Опарыша. Тот раскидал сваленные в кучу корзины, сложенные на бочке, потом принялся сдвигать в сторону саму бочку. К ее корпусу были прилажены доски, которые служили крышкой люка для пространства, находившегося на уровень ниже подпола хаты.

В зияющей черноте подземелья показались отблески света, затем послышался шум: стук, шорох, будто что-то волокли, вздохи, кашель, кряхтение. Ближе всех к люку в подземелье находился Опарыш. Он сидел на корточках, дрожа от ужаса. В руках он теребил тряпичный сверток с какими-то металлическими инструментами и склянками. Бимбер стоял возле лестницы, проглатывая тягучую слюну. Вскоре по погребу стал распространяться зловонный запах, похожий

на смрад тухлого гниющего мяса. Вскоре появился источник вони – большая бесформенная голова, похожая на огромную картофелину. Кожа невероятно белая, словно мелованная бумага. На картофелине угадывалось и лицо: высокий выпуклый лоб, два широко расставленных глаза с тяжелыми морщинистыми верхними веками. Шлепок белой глины – наверняка нос этого существа. Также можно было рассмотреть широкий рот с оттопыренной мясистой нижней губой. Лысое чудовище, бесцветные волосы которого существовали в виде колтунов на висках, седых кустистых бровей, и в виде абсолютно седых козацких усов под нечто, напоминавшим нос, оглядело присутствующих своими подслеповатыми светло-голубыми водянистыми глазами.

- Слава Украине, *пан провиднык!* – приветствовал голову из темноты Бимбер.

- Слава Украине, *пан друже!* – повторил приветствие Опарыш.

- Героям слава! – раздался низкий хриплый бас из широкого рта чудовища, от которого разило зловонием.

- Опарыш! Принимайся за работу! – приказал Бимбер, поднеся поближе керосинку. Несмотря на пахучее церковное масло, тошнотворный запах всё равно было трудно переносить. Бандеровец Опарыш взбалтывал мыльную пену, протирал лезвие опасной бритвы, ножницы. На его долю цирюльника приходилось время от времени стричь чудовище и подравнивать ему усы.

Собственно, настоящее имя говорящей картофелины было Вацула Игорь Иосифович. Несмотря на его абсолютно седые волосы и усы ему было сорок лет от роду – примерто столько же, сколько и Бимберу. Вацула с давних пор был активным членом ОУН, старым подпольщиком, за которым еще в свое время безрезультатно охотилась польская полиция. Согласно польской орфографии, инициалы его полного имени складывались в слово «WIJ» - совсем как имя родоначальника гномов, подземной нежити, нечистой силы, обитающей в погребах и подвалах из славянских сказок. Так и сложился партийный псевдоним Игоря Вацулы.

Безжалостный палач, организатор массовых убийств пережил своих хозяев – немцев, при которых сильно поднялся по иерархической лестнице ОУН-УПА. За порогом Победы он продолжил свои бандитские злодеяния. Однажды НКВД приблизился вплотную к ликвидации или аресту Вия. Взрыв гранаты раздробил вожаку бандеровского «провода» позвоночник, но тот всё же сумел отползти в кусты, где его и подобрали подельники. После ранения Вий уже не оправился: его ноги навеки стали болтаться, словно две колбасы. Последние годы Вацула скрывался в этом самом бункере, под хатой на хуторе близ Трускавца. Годы, проведенные в сырости, темноте, а также последствия роковой травмы позвоночника превратили Вия в то, что он нынче из себя представлял – не погодам постаревшее зловонное чудовище, гниющее в землянке от пролежней, подтекания мочи и кала, струпьев,

покрывших тело. Вацуле приносили в бункер еду, снабжали секретными документами ОУНовского подполья, советовались, время от времени приходил цирюльник. Борьба советского государства с бандеровцами уносила жизни активных членов бандформирований и их главарей. Исполнины ОУН-УПА погибали один за другим, некоторые из них были арестованы и находились то ли в тюрьме, то ли расстреляны. Непотопляемым был разве что Вий – последний крупный «провиднык» на территории Украинской ССР. Зарубежные покровители и верхушка ОУН, окопавшаяся в Мюнхене, уже начала сомневаться в том, что Вацула вообще жив – сведений о нем было крайне мало, а сам он затаился настолько, что подпускал к себе только самых доверенных людей. Даже служба безопасности ОУН-УПА или «безпека» не имела доступа к Вию, кроме как крайне небольшой круг лиц, в число которых входил Бимбер. Что касается советских правоохранительных органов, то они также сомневались в существовании Вия. Впрочем, и достоверных свидетельств о его смерти у них тоже не было.

Сам Вацула, видя, как стремительно погибает бандеровское подполье, верил только в Третью мировую войну. Каждый день он с нетерпением ожидал, когда США и союзники объявят крестовый поход против коммунизма. Он больше не верил никому, крайне подозрительно относился к любому секретному донесению, видя в этом происки «*радянско́й безпеки*» - советской госбезопасности. Из своего подзе-

мелья он обещал выбраться только тогда, когда в Дрогобыче и Трускавце будут стоять части армии США.

Опарыщ выполнил свою работу – обрил голову Вия, подравнял ему усы, намазал йодом кровоточащие струпья, после чего удалился по приказу Бимбера. Провиднык и агент «безпеки» остались вдвоём.

- Читал я грипс, который ты мне доставил. Однозначно могу сказать, что его составили в КГБ. Уж я-то знаю, как наши шифровальщики работают. Москали пытаются нас обмануть.

- Откуда я мог знать, *пан* провиднык? За что купил, за то и продаю! – оправдывался Бимбер.

- Зачем ты тогда работаешь в «безпеке»? Чтобы харчи дармовые жрать? – продолжал ворчать Вий. – Шуй никогда не составляет таких бездарных грипсов. Допустим, почек москали сумели подделать, но некоторые хитрости так и не разгадали. Например, Шуй всегда оставляет пространство между последней буквой в предложении и точкой. Это расстояние периодически меняется в зависимости от номера предложения. Также Шуй разработал дефекты шрифта, чтобы отличать подлинные грипсы ОУН и сделанные *радянско́й безпекой*. Вот так.

- А что, если Шуй уже у чекистов?

- Так и не нашли его? – уточнил Вий.

- Исчез.словно сквозь землю провалился! Третий месяц ищем и ничего!

- Не думаю, что его завербовали чекисты. Если бы им удалось переманить такого человека как Шуй на свою сторону, то бы сейчас мы с тобой здесь не разговаривали. Я полагаю, что Шуй убит. Иначе бы он где-то всё равно объявился.

- А если он за границу рванул?

- Через всю Польшу, Чехословакию и Восточную Германию? Всё, конечно, может быть, но мы не получали от него сообщений и из-за кордона. Не! Шуя убили! Я в этом почти уверен!

- Главное не прогадать, *пан* провиднык.

- Если бы Шуй был завербован чекистами, то мы не получали бы таких бездарных аляповатых грипсов! Ну, ладно! Теперь ближе к делу! Чекисты в последнее время всё сильнее вынюхивают меня в Дрогобычской и Львовской области. Есть сведения из достоверных источников, что нашим подпольем может связаться десантированный парашютист – ЦРУшник. Но это всё ерунда – на самом деле он никакой не американец, а переодетый москаль. Наша задача не проморгать эту кацапскую крысу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.